

«БЫЛ РАБОЧИМ СТОЛОМ ВЕРСТАК...»

Видимо, наступают сроки, когда все чаще приходится обращаться к памяти о временах давно прошедших, отшумевших молодым ветром, и о днях не столь давних, которые дороги тебе счастливыми и горькими воспоминаниями о друзьях-товарищах и просто хороших людях, с которыми свела тебя судьба, с которыми долго ли коротко ли шел ты по жизни до какого-то непоправимого часа...

Полтора с лишним десятилетия мы были связаны товариществом, а потом и дружбой с Евгением Сергеевичем Буравлевым, известным сибирским поэтом, человеком интереснейшей и сложной судьбы, с кремневым характером тажика и чалдона, многосторонне одаренной личностью.

Начну с нашего первого знакомства. Случилось оно в начале 1959 года. Помню, в редакцию газеты «Кузбасс», в которой я работал тогда литсотрудником, пришел широкоплечий, чуточку тяжеловатый молодой мужчина с красивым, будто вырубленным из камня мужественным лицом.

— Поэт Евгений Буравлев, — будто разглашая большой секрет, шепнула мне заведующая отделом культуры. И уважительно посмотрела ему вслед.

А поэт надолго засел в промышленном отделе, на диво тогда молодым и шумноватом. И вскоре туда потянулись журналисты из других отделов, в основном, тоже молодежь. Меня к промышленникам позвала Тая Шатская:

— Пойдем, познакомлю с Буравлевым. Интереснейший мужик. Поэт и строитель. Инженер Южсиба.

Таисия Алексеевна в ту пору только начала работать в «Кузбассе», после короткой журналистской практики в газете молодого города Междуреченска. Буравлев жил и трудился в Междуреченске. Там они и познакомились.

Первая наша встреча с Евгением Сергеевичем была недолгой, но запоминающейся. Мне сразу пришелся по душе этот малообщительный с виду, а в сущности застенчивый человек. Понравились его неторопливые рассказы о жизни строителей железной дороги, его ненавязчивый, я бы сказал, безулыбчивый юмор.

Несколько позднее я прочитал книгу стихов «Кладовискатели», первую в его творческой биографии. Некоторые стихи были крепко сколочены, покоряли жизненной достоверностью. Богатством наблюдений, силой характеров подкупала поэма «Кладовискатели», хотя в ней поэт не сумел еще выйти на стрелень художественной убедительности. Признаться, удивило и насторожило и то, что свою первую книгу Евгений Буравлев издал в тридцатипятилетнем возрасте, довольно солидном для поэтического дебюта...

В том же пятьдесят девятом году мы встретились снова. На этот раз на межобластном семинаре молодых поэтов. Семинар проходил в Кемерове. Руководили им сибирские поэты и критики; были гости из Москвы. Участники семинара — начинающие поэты Томска и Кемерова, большинству которых было едва-едва за двадцать, со вниманием выслушивали наставления своих старших товарищей. Молча слушал выступления руководителей и Евгений Буравлев, скромно притулившись в углу маленького зала. Помнится, тогда его больше критиковали, чем хвалили. И никто из нас, молодых, не догадывался в ту пору, что наш старший товарищ привез на семинар новую, великолепно сработанную поэму «Красная Горка», которую он так и не осмелился вынести на обсуждение. Вскоре эта поэма увидит свет на страницах газеты «Кузбасс», а затем — в журнале «Сибирские огни». Характерен ее подзаголовок: «Слово о моих земляках-кузнечанах, о любви и поэзии и о первом ковше угля». Она, эта поэма, будет для Евгения Бу-

равлева главным пропуском в Союз писателей СССР

В сорокалетнем возрасте Евгений Сергеевич закончит заочное отделение Литературного института имени Горького, станет профессиональным литератором.

В 1962 году поэт переезжает в Кемерово. Здесь он возглавляет только что созданную писательскую организацию области.

Мне не хотелось бы пересказывать жизненную биографию поэта. Ее основные вехи известны из предисловий к его книгам, в конце концов из справочников о творчестве кузбасских писателей. И все-таки на некоторых моментах биографии Буравлева я должен остановиться.

Родился Евгений Сергеевич в селе Гридино Калужской области в семье строителей-железнодорожников. После окончания средней школы по комсомольскому призыву поступил в Иркутское авиационное училище. А дальше — война. От начала ее и до конца — он в дей-

ствующей армии. Был трижды ранен. Последний раз при штурме бывшего фашистского города-крепости Кенигсберга.

В мае 1974 года, всего за несколько месяцев до кончины, Евгений Сергеевич захотел снова побывать в этом городе советской Прибалтики. Мужественный человек, он знал, что ему отпущены на земле недолгие сроки, тяжелая болезнь делала свое дело. Наверно, поэтому он хотел в последний раз досыта насмотреться на мир, на людей, на их дела. И поэтому колесил по стране, не считаясь со своим здоровьем. В этой поездке мы с поэтом Виктором Баяновым были его попутчиками. Запомнились наши длительные экскурсии по Калининграду, хождения по бывшим норам, убежищам и казематам эсэсовцев, которые в последних су-дорогах остервенело и бесславно удерживали город.

И вот однажды, когда мы стояли перед развалинами одного из фортов, который фа-



В Калининграде. Второй слева — поэт Е. С. Буравлев.

шисты считали неприступным, Евгений Сергеевич вдруг тихо сказал:

— Сколько тут полегло наших парней. И все-таки выкурили мы гадов из этого каменного гнезда. Тут меня ранило в голову...

Он замолчал. И мы не стали тревожить его лишними вопросами. Знали: он не любил вспоминать и говорить о войне. Да и стихов о ней у Евгения Буравлева мало, до заметного мало. Тяжелая память о войне, унесшей миллионы молодых жизней, очевидно, мешала поэту писать об этом, перебивала его дыхание. Однажды у него как бы через силу вырвется это признание. Вырвется обжигающее, беспощадно правдивое:

Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку бросить на круг?
Летчику и стрелку,
Саперу и взрывнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.

Только не до строки
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.
Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук.
Не срифмовать всех мук
И всех оставшихся там...

Перед самым нашим отъездом из Калининграда нас пригласили выступить по местному телевидению. И когда запись телепередачи уже подходила к концу, ведущий попросил Евгения Сергеевича, как участника штурма Кенигсберга, сказать несколько слов для телезрителей о теперешнем Калининграде, городе, восстановленном из руин и пепла. Поэт так разволновался, что долго не мог сказать ни слова. Это затянувшееся молчание привело к повторной видеозаписи, так как телевизионная техника была в то время, вероятно, не столь совершенна...

И еще в связи с этим я вспоминаю, что Евгений Сергеевич редко когда носил свои боевые награды, хотя их у него было не так уж и мало.

...После войны Евгений Буравлев несколько лет работает в Заполярье. Сначала в авиации,

потом на строительстве дороги Салехард — Игарка. В начале пятидесятых годов он приезжает в Кузбасс. И здесь он несколько лет трудится на строительстве. Вместе с тысячами парней и девчат сквозь таежную глухомань, горы и болота прокладывает дорогу Новокузнецк — Абакан. Последняя его рабочая должность на этой стройке — главный инженер комбината промышленных предприятий... Вот с каким жизненным багажом пришел этот человек в поэзию.

Новостройки в рабочих лесах...

Ветер поисков — в паруса...

Биография начиналась так:

Бы рабочим столом верстак.

Главный их двигатель — мысль. Но это вовсе не значит, что они холодны и рассудочны. Лучшая часть творчества щедро согрета теплом человеческого сердца. И не беда, что чувства его сдержанны по своей природе, зато ясно ощущается их глубина и значимость.

Сейчас, рассматривая все сделанное поэтом, отчетливо осознаешь, насколько весом и серьезен, насколько своеобразен творческий вклад Евгения Буравлева в поэтическую летопись Сибири. Я не ошибусь, если скажу, пожалуй, нет такого, который отдал бы столько сил и таланта рабочей теме в поэзии, теме, сложной и далеко не каждому доступной. Так что музу Буравлева без всяких ложных образных преувеличений можно назвать музой в рабочей спечковке.

И все-таки возвращусь к своей первоначальной задаче, продолжу рассказ о Евгении Сергеевиче, как личности, как человеке, который оставил неизгладимое впечатление у меня да и у многих других, кому случилось знать его близко или попросту сталкиваться с ним.

Расскажу о нем, как о таежнике. Его авторитет настоящего таежника для многих из нас был глубоко непререкаем. Мне, например, казалось, что он знает о тайге все. Он знал поименно ее деревья и травы, ее зверей и птиц, ее большие и малые речки, безымянные ручьи, горы, пади и топи. И он щедро делился этим знанием. Но что интересно, в отличие от других таежников, он не признавал охоту, я никогда не видел в руках у него ружья. Зато беззаветно любил рыбалку и понимал в ней

толк. Годы подряд с небольшой группой друзей мы отправлялись летом в самые глухие уголки Горной Шории, этого дивного заповедного края, и проводили на горных речках неделю, две, а то и больше. У нас никогда не было иных снастей, кроме удочки и спиннинга, но рыбы на хорошую уху мы всегда добывали.

О тайге им написано довольно много стихов и две маленькие книжки прозы, одна из них для детей. Книжки эти сразу же нашли своего благодарного читателя...

Евгений Сергеевич любил и умел шутить. Этот дар потом своеобразно отразился в его либретто для оперетт «Жемчужина Сибири» и «На крыльях мечты», поставленных в разных театрах страны. Да, он умел шутить и... сам легко попадался на шутку. При всей крутости и цельности характера в нем всегда жило что-то мальчишеское, непосредственное. Этим, наверное, можно объяснить его интерес к легкому жанру, к театру оперетты. Интерес поздний, но устойчивый и немного неожиданный для его друзей. Он любил музыку, танцы, песни, хотя сам, насколько я помню, никогда не пел и не танцевал. В театре он был своим человеком, артисты всегда радовались его приходу. В театре он и сам по-хорошему молодец, будто сбрасывал с себя на время тяжелый груз жизненной усталости...

Евгений Сергеевич обладал редкой работоспособностью. Писал чаще всего по ночам. Сколько раз бывало, что он просиживал над пишущей машинкой до утра, а после, отдохнув три-четыре часа, шел к новым делам в Союз писателей, а там уж работа и друзья, как правило, «закручивали» его до позднего вечера. Не умел он жалеть и щадить себя.

Весной 1972 года он втянул меня, Виктора Баянова и художника Николая Бурцева в продолжительную поездку по городам и селам Кузбасса:

— Поедем, посмотрим, послушаем, как дышит весной Кузнецкая земля, попробуем написать об этом книгу, большой репортаж в стихах, с иллюстрациями, — говорил нам он. — О хороших людях скажем доброе слово, о их делах.

И мы собрались в долгий путь. Почти месяц провели на колесах. Работали с полной отда-

чей. Газета «Кузбасс» из номера в номер публиковала главы лирического репортажа «Дыхание земли родимой», который должен был стать в будущем книгой. Должен был стать, но не стал. Этому помешала тяжелая болезнь, так неожиданно свалившаяся на Евгения Сергеевича, который был душой этого интереснейшего замысла. Дни работы над книгой-репортажем я, например, вспоминаю с большой внутренней радостью и удовлетворением. Думаю, что Виктор Баянов и Николай Бурцев испытывают те же чувства...

Евгений Буравлев много времени и сил отдал воспитанию новой литературной смены. За десять лет, которые он стоял у руля Кемеровской писательской организации, она значительно выросла и окрепла. И в основном за счет притока молодых сил.

Евгений Сергеевич любил молодежь, верил в нее и немного завидовал ее завтрашнему, да и сегодняшнему дню. Он безошибочно распознавал в молодом человеке одаренность, предвидел ее развитие. Я мог бы назвать несколько имен теперешних молодых литераторов, которые вышли к читателю с интересными книгами, получив первое «добро» и благословение от Буравлева. В его итоговой поэтической книге «Шестая гряда» есть отличное стихотворение «Как на шестой гряде от бани...», ярко свидетельствующее о вере поэта в новое молодое утро нашей поэзии.

Заканчивая этот небольшой очерк о сибирском поэте Евгении Буравлеве, я меньше всего хотел, чтобы у читателя создалось впечатление, что я стремился показать его идеальным человеком, лишенным обыкновенных человеческих слабостей и недостатков. Нет и еще раз нет! Сам Буравлев при жизни воспротивился бы этому. С присущей ему усмешкой Евгений Сергеевич говорил на эту тему так: «Поэт хорошо смотрится со стороны, немножко издалека, а вот с точки зрения его жены он вообще человек пропащий».

Евгений Буравлев прожил на земле всего пятьдесят три года. Прожил трудно и хорошо, оставив после себя заметный и добрый след на долгие годы.

Валентин Махалов.